

Часть первая

В тот день, когда я познакомилась с Кармен и Марито, сад на острове к рассвету затопило. Величавые деревья, казалось, плыли над водой, а соседские дома за рекой походили на морских чудовищ, застывших на своих длинных лапах. На цыпочках, чтобы не разбудить родителей, я вышла на террасу. Хотела успеть сбегать в сад — поиграть, пока они не увидели, что вода поднялась, ведь потопа я любила мне одной. Что касается родителей, то они сразу же тащили мебель и холодильник куда повыше и объявляли, что нам нужно возвращаться в Буэнос-Айрес. Под воду ушли пять из десяти ступеней ведущей к входной двери лестницы. Я прикинула, какой может быть глубина: точно выше колена. Самый тот уровень, чтобы порезвиться в дальней части сада, среди мандариновых и кумкватовых деревьев, куда взрослые если и наведывались, то исключительно зимой, в воскресенье под вечер, с целью набрать корзину фруктов перед отъездом в город. Я перемещалась

в воде широкими шагами, размахивая руками для балансировки и задевая воду кончиками пальцев, — это мои крылья, а я — огромная птица, что вот-вот взлетит, — жидкая грязь пролезала между пальцами, а голени облепляли травинки. Там-то, на берегу большой канавы, и была Кармен. Я заметила ее издалека: она сидела верхом на толстой ветке дерева, опустив ноги в воду, как будто это ее извечное место. От ног рос силуэт еще одной девочки, точно такой же, но водной, и обе они улыбались улыбкой Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес». Как только я подошла, девочка в воде исчезла, раздробившись на части, а та, что сидела на ветке, спрыгнула вниз. Она была выше меня. На ней были заляпаные грязью шорты и полосатая футболка, которая когда-то принадлежала мне, а ей была явно коротковата.

— Айда к моей бабушке, попросим накормить нас завтраком! — произнесла она ровно так, будто обращалась к своей старой подруге, и пошла прочь по воде, точно принцесса какая-нибудь, разрезая пространство тонкими руками-лезвиями.

Ее доверчивость соединила меня с ней невидимой нитью, и я пошла следом, ни о чем не спрашивая.

— Теперь я живу здесь, — объявила она, когда мы проходили по мостику, ведущему к дому доньи Анхелы.

Донья Анхела была матерью наших соседей по острову и бабушкой Кармен. Вместе с четырьмя из

своих восьми детей она жила в небольшом домике по ту сторону ручья, который отделял наш участок от соседского. Там я еще ни разу не была и вот теперь шла вслед за своей новой подругой по подвесному мостику, не отрывая взгляда от пляшущей по ее спине черной косы длиной ниже пояса.

— Я и мой брат будем жить у бабушки, — повторила она, обернувшись. Перехлест косы. — Ой, «я» — последняя буква в алфавите. Я хотела сказать: мой брат и я.

— С папой и с мамой?

Она провела по воздуху рукой, словно ее родители были чем-то таким, что можно стереть одним легким движением. Позже от своего папы я узнала, что мать Кармен уже давно оставила семью, убежав из дома с каким-то моряком из портового города Комодоро-Ривадавия, а отец ее работает на верфи в Эль-Тигре и детьми заниматься не может. Донья Анхела была на причале. Вода полностью покрывала и дощатый настил, и обшарпанные поручни со скамейкой. Все свое детство, выходные за выходными, я могла наблюдать одно и то же: донью Анхелу, сидящую на причале. Неподвижная, огромная, во всем черном и с растрепанными белыми волосами, нимбом стоявшими вокруг ее головы, она с раннего утра наблюдала, как река катит свои воды мимо нее. Заметив нас, она медленно пошла нам навстречу, едва приподняв подол юбки, которая распласталась по поверхности

и норовила прилипнуть к ногам. В знак приветствия она наклонилась меня поцеловать. Тонюсенькая серебряная цепочка так и осталась пленницей в ложбинке между ее невообразимых размеров грудями. Зрелище это меня заворожило: нечто такое белое и мягкое, так не похожее на костистое декольте моей мамы, нечто почти неподвижное, куда мне так захотелось погрузиться, забыться в сладкой неге.

— Ну, пошли, я вам пышек напеку, — сказала донья Анхела, и мы отправились вслед за ней, как выводок цыплят.

Дом наших соседей по острову был не чем иным, как скособоченной деревянной коробкой, не опирающейся на сваи. Мой отец не раз говорил, что надо бы помочь им построить что-нибудь покрепче, но каждый год по самым разным причинам этот план откладывался до лучших времен. И вот теперь мне в первый раз представился случай понять, почему мои родители заводят эти разговоры каждый раз, когда вода в реке поднимается.

В то утро кухня доньи Анхелы являла собой затопленное помещение, едва освещенное солнечными лучами, пробивавшимися сквозь старую тряпку, которой было завешено небольшое окошко. Над носиком кипевшего на железной плите чайника поднимался столб пара, и в тиши дома эхом разносился металлический стук подпрыгивавшей на нем крышки. Вдруг откуда-то послышался раздраженный мужской голос.

— Да выключите же кто-нибудь этот чайник! — потребовал он.

Чье-то лицо выглянуло с лестничной площадки, балконом нависавшей над кухней. Глаза сфокусировались на мне. А вот мне разглядеть его во всех деталях не удалось — пробивавшегося сквозь занавешенное окошко света хватило лишь на то, чтобы осветить один глаз: мрачный и усталый.

— Мама, — продолжил он свои требования, повышая голос.

Горячая ладошка Кармен легла поверх моей руки.

— Да я только пышек девочкам напеку, Ковбой, — сказала в ответ донья Анхела, и лицо скрылось в темноте, словно по мановению волшебной палочки.

— Мука вся выйдет, — донесся до нас голос Ковбоя.

— Малыш сегодня к вечеру сходит в магазин, — ответила донья Анхела и откинула с окошка занавеску.

Солнечный свет выхватил из темноты две тощие ноги: они свешивались с лестничной площадки, пальцы на них то расходились веером, то сходились, образуя вокруг себя облачка пыли, зависавшие в воздухе. Я посмотрела наверх. И прямо над головой, как призрак, мне в первый раз предстало лицо Марито: блестящая кожа, черные как уголь глаза, нос, пухлые смешливые губы и маленький шрам, который, как я позже узнала, был оставлен нутрией, укусившей его за верхнюю губу.

— Пеструшка снесла яйцо прямо на балке, — произнес он и прыгнул вниз, прямо ко мне, держа в протянутой руке белое гладкое яйцо.

— Ты нас всех забрызгал! — сердито закричала Кармен.

— А то вы совсем сухие были, — слышалось в ответ.

Мы с Кармен невольно посмотрели вниз — вода поднималась нам выше колен — и разом расхохотались. Кармен все еще держала меня за руку, но тут повернулась ко мне лицом, и вот так, глядя друг на друга, мы стояли и хохотали, как будто то, что сказал Марито, было самой смешной шуткой на свете, как будто во всем мире не существовало ничего, кроме нашего желания смеяться.

С того утра высокой воды прошли уже многие годы, когда гадалка сказала мне, что тот раз не был первой встречей, при которой брат с сестрой и я оказались в этом мире рядом. Наши души, сказала она, были уже знакомы и вернулись в эту жизнь, чтобы разделить мечту.

В один из понедельников той самой осени домой вернулась Мабель, мама Кармен и Марито. Появилась она без моряка, зато с грудным младенцем, которого произвела на свет на прошлое Рождество. Но познакомиться с ней мне так и не удалось, потому что к вечеру пятницы, когда я приехала на остров, она уже успела укатить в Комодоро-Ривадавия. Всем и каждому она объявила, что приехала повидать своих деток, правда, ей никто не поверил. А уезжая, будто бы забыв, она оставила своего грудничка. По крайней мере, именно такие пояснения давала Кармен. Сама она решила, что заботу о братишке возьмет на себя, и теперь повсюду, куда бы мы ни отправились, таскала ребенка с собой в самодельной треугольной сумке, которую донья Анхела соорудила из своего старого платья.

— Мы могли бы назвать его Маугли, — вырвалось у меня, как только я увидела малыша.

За пару дней до этого я как раз закончила читать «Книгу джунглей», и этот малыш с черными

и жесткими как щетка волосенками и миндалевидными глазами живо напомнил мне картинки из прочитанной книжки.

— Его зовут Лусио, — заявила Кармен, и по выражению ее лица я поняла, что мое предложение ей ни чуточки не понравилось.

А вот играть в волчью стаю ей как раз понравилось, и несколько выходных подряд мы отправлялись в самый глухой угол сада, устраивали там себе что-то вроде логова, устланного сухими листьями, укладывали Лусио на его матерчатой переноске и описывали круги вокруг, передвигаясь на четвереньках, завывая и вылизывая его личико языками. И сами ложились на землю, защищая его своими телами, как Шер-Хан. Лусио дрыгал ручками и ножками и время от времени взвизгивал, как будто был чрезвычайно доволен нашей игрой. Однажды под вечер к нам подключился Марито: он стал вожаком стаи, и мы с ним вдвоем отправились на охоту в окрестностях логова, оставив в нем маму-Кармен с малышом.

В феврале мы с Кармен начали строить себе домик на ветвях дерева, что росло посреди острова. Однажды в воскресенье мы решили закончить строительство и заселиться — перенести туда нашу нехитрую посуду и коробку с книгами. Ковбой строго-настрого запретил нам брать Лусио в лодку, поэтому мы оставили его на причале в дощатом коробе, который скотил Марито, а мы с Кармен положили

туда матрасик. Уже темнело и все сидели по домам, кроме Марито — с пустынного причала ниже по течению он ловил рыбу. Из нашего домика на дереве причал доньи Анхелы был очень хорошо виден. Мы рассудили так: если Лусио заплачет, мы сразу же прибежим. И, пребывая в полной уверенности, что никакая опасность ему не грозит, мы переправились на остров — он был как раз напротив — и занялись постройкой нашего домика.

Позже, когда мы вспоминали события того дня и восстанавливали их для себя, ни у одной из нас не возникло и тени сомнения в том, что мы не выпускали из поля зрения Лусио больше чем на пять минут. У каждой из нас было по молотку и коробке с гвоздями. И мы приколачивали к ветвям ивы доски ровно с той концентрацией внимания, которая необходима, чтобы не попасть молотком себе по пальцу, но уж в интервалах между забитыми гвоздями мы точно поглядывали в сторону причала и видели над краем короба маленькие пятючки, когда малыш сучил ножками в воздухе. Время от времени до нас долетало его безмятежное воркование — малыш Лусио бесконечно радовался жизни и почти никогда не плакал.

То, что вода поднялась, мы осознали в тот момент, когда было уже поздно. Как если бы река задумала подняться и залить землю — внезапно и в полнейшем молчании, предательски, во что бы то ни

стало вознамерившись забрать у нас Лусио. Кармен первой поняла, что случилось, и закричала. Я отвела взгляд от деревяшки, справиться с которой мне никак не удавалось, и тут же осознала, что произошло. Думаю, что я тоже вскрикнула. Кармен была уже на земле и стремглав неслась к лодке. Короб исчез.

Потом папа рассказывал, что вышел на террасу, услышав мои крики, и что он видел, как я отрываю концы, а Кармен, сидя в лодке, уже работает веслами, не дожидаясь, пока я залезу. Одна моя нога была на корме, но лодка вдруг резко дернулась и отошла от суши. Я закричала. Не знаю, что там из-под моих ступней ушло первым — земля или лодка, но я упала в воду с расставленными циркулем ногами и резкой болью в паху. Кармен бросила гребсти и на мгновение растерялась, не зная, что делать. Я вцепилась в борт лодки, потом забралась в нее, с меня потоками лилась вода. Стоя на причале, папа пытался узнать, что там у нас происходит. Кармен плакала, а я так дрожала, что не могла выговорить ни единого слова.

— Лусио, его унесла река, — удалось выговорить Кармен. Мимо нас лапками кверху проплыла птица.

Крик Марито слышался еле-еле, и сначала нам не удавалось определить, откуда он идет. Мы посмотрели в сторону заброшенного причала, где видели его в последний раз, но причал, уже довольно плохо различимый в сгущающихся сумерках, был пуст. Огля-

дев берега, мы увидели Марито выше по течению. Он стоял по пояс в воде и отчаянно размахивал руками, стараясь привлечь к себе внимание.

Кармен уже снова гребла, направляя лодку к Марито, а я стояла на корме, широко, несмотря на боль, расставив ноги, чтобы лучше видеть, в надежде не пропустить плывущий по течению короб. Меня трясло крупной дрожью, а прилипшая к телу одежда, по моим ощущениям, превратилась в корку льда. В первый раз за свою жизнь я испытала отвращение к реке. Она и вправду казалась совсем другой: со стремнинами, водоворотами и явной готовностью поглотить человека целиком — так, что и следа не останется.

Подплыв к Марито, мы увидели, что он рукой показывает на противоположный берег, а там, застряв в камышах, медленно поворачивается вокруг своей оси короб, и он в данную секунду, почти освободившись из своего плена, вот-вот снова поплывет по течению. Оттуда, где мы находились, нам было не видно, в коробе Луисио или уже нет.

Кармен показала рукой на короб и изо всех сил заработала веслами. Но короб двигался быстрее. Над водой уже виднелась только одна досочка — короб тонул. Марито бежал по берегу реки, однако теперь бросился в воду и поплыл. Тут я увидела ножку. Она едва показалась над краем, но от этого движения короб тут же наклонился, и на мгновение мне показалось, что он сейчас перевернется, что на наших